

Георгий Чулков

Леонид Андреев

Годы странствий

Георгий Чулков
Леонид Андреев

«Public Domain»

1930

Чулков Г. И.

Леонид Андреев / Г. И. Чулков — «Public Domain», 1930 — (Годы странствий)

ISBN 978-5-457-12908-5

«Он был всегда на людях, всегда с приятелями, но, может быть, в тогдашней Москве не было более одинокого человека, более оторвавшегося от почвы и даже от мира, чем этот удачливый беллетрист, обласканный Максимом Горьким и признанный Н.К. Михайловским...»

ISBN 978-5-457-12908-5

© Чулков Г. И., 1930
© Public Domain, 1930

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Георгий Иванович Чулков Леонид Андреев

I

Я познакомился с Л.Н. Андреевым в редакции московской газеты «Курьер» в 1899 году, где он печатал тогда свои рассказы и фельетоны. Мы встречались с ним довольно часто в течение двух лет, пока в конце 1901 года меня не арестовали и не отправили в Якутскую область. Каким далеким и непонятым кажется теперь тот мир, тот быт: не верится, что прошло всего лишь двадцать лет, а не два столетия! Какое полусонное царство было тогда вокруг нас! Россия Николая II¹ жила еще тогда медлительно, тяжелою и грузною жизнью, шла куда-то – слепая – как будто руководимая тенью царя Александра III. Мы еще не предчувствовали тогда надвигавшейся на Россию японской опасности; мы жили, не страшась бурь и непогоды, жалуясь лишь на душное однообразие той опеки, которая тяготела над словом, над жизнью, над всем этим чеховским миром, таким тесным, малым и безвольным. Казалось, что все так прочно, так незыблемо, что разве наши внуки увидят Россию иною. И вот, когда я встречал Л.Н. Андреева в московских литературных кружках, я всегда чувствовал, что этот человек как будто пришел из другой страны. Не то, чтобы в своем быте, в своих убеждениях, взглядах и вкусах он был человеком, опередившим современников; напротив, он был очень характерен для известных кругов тогдашней литературной Москвы. Но было в нем что-то иное, чего определить вкусом или мнениями никак нельзя и что делало его одиноким и своеобразным, несмотря на то «общее выражение», которое ему было свойственно как москвичу, писателю, как сотруднику «Курьера» или журнала «Жизнь»², который издавался тогда в Петербурге при ближайшем участии Максима Горького.

В это время в Москве заявили уже о себе новые поэты, объединившиеся под знаком «Скорпиона». Эти люди, «зачинатели нового искусства», в известном смысле воистину были декадентами, то есть выразителями «конца века». Их творчество было как бы ознаменованном культурного перелома. Л.Н. Андреев к их кружку не принадлежал и не мог принадлежать. Он был для них «провинциален», недостаточно «рафинирован», и он не любил и не ценил этих людей, но в своей бессознательной и внешними данными не оправданной сущности он был «их поля ягода».

Жил тогда Л.Н. Андреев в Грузинах³. Быт вокруг него был старомосковский, среднеинтеллигентский. Мать Леонида Николаевича, гостеприимная и радушная хозяйка; покойная первая жена его, юная и милая, веселая и нежная; сестра и братья, обожавшие старшего брата, который был, кстати сказать, главою дома после смерти отца – все это было немного старомодно, немного провинциально. И вся семья с добродушным восхищением и ревнивою гордостью следила за возрастающею славою любимую Леонида. В доме Леонида Николаевича бывали почти все московские литераторы. Из начинающих писателей встречал я у Андреева Б.К. Зайцева⁴, чей первый рассказ «Волки», насколько я припоминаю, произвел на Андреева большое впечатление. Со многими литераторами Л.Н. Андреев был на «ты».

¹ Николай II (1868–1918) – последний российский император (с 1894 г.), сын Александра III.

² «Жизнь» – ежемесячный журнал для семейного чтения, один из ведущих органов демократической печати (1897–1901). Фактическим редактором являлся В. Поссе.

³ Грузины – район Большой и Малой Грузинских улиц в Москве.

⁴ Зайцев Борис Константинович (1881–1972) – писатель. Ранние произведения – в русле импрессионистической прозы. В эмиграции с 1922 г. Чулков посвятил его творчеству статью «Оправдание земли», а в марте 1920 г. обратился к нему с посланием (Стихотворения Георгия Чулкова).

С внешней стороны как будто жизнь его сложилась благополучно: много друзей, любящая семья, литературный успех. Но в Андрееве, в самом Андрееве, в его душе не было благополучия. И эта странная тревога, мучительное беспокойство и какой-то бунт, «несогласие со всем» – вот что было в Андрееве новым и необычайным.

Он был всегда на людях, всегда с приятелями, но, может быть, в тогдашней Москве не было более одинокого человека, более оторвавшегося от почвы и даже от мира, чем этот удачливый беллетрист, обласканный Максимом Горьким и признанный Н.К. Михайловским⁵. Правда, в нашей литературе были огромные таланты и огромные личности – тоже одинокие, тоже «неприемлющие мира» – их имена мы все знаем – но значение Леонида Андреева не умаляется вещими тенями гениев. Личность Андреева определительна для своей эпохи, для своего времени. У него есть своя страница не только в истории русской повести, но – что не менее важно – в истории нашей духовной отчизны. Была в Андрееве какая-то обреченность, какая-то гибель. В нем не было ничего буржуазного. И хотя словечко это стало каким-то двусмысленным, но вернуть ему его настоящее значение бесполезно. В Андрееве не было ничего буржуазного: ему вовсе не хотелось как-то «мирно устроиться» и менее всего – «почить на лаврах». И чем счастливее была его внешняя жизнь, тем беспокойнее он становился, тем болезненнее и острее чувствовал, что «так жить нельзя».

Он был одним из многих русских скитальцев, но наши скитальцы александровской и николаевской эпох были почти всегда дворянами, наследниками большой и старинной культуры. Леонид Андреев был скиталец-разночинец, без всяких культурных корней по происхождению и по воспитанию. Но он был сыном своего времени, он был весь в предчувствии катастрофы. А ведь наши малые исторические катастрофы, падение того или иного социального порядка, крушение той или иной формы государственности всегда отражают в себе общую катастрофичность истории и мира. И когда Тютчев, например, по поводу падения Севастополя говорит о конце мира⁶, это вовсе не так уж неосторожно, ибо хронология, сроки – иногда последнее дело. Много у нас было растревоженных людей и более замечательных, чем Андреев; многие говорили, что скоро всему конец, но у Леонида Андреева была своя собственная интонация, свой голос.

Я как сейчас вижу его шагающим по своему кабинету с неугасающей папиросой в руках, с блестящими глазами, с горькой улыбкой – и вечно повествующим о задуманном рассказе или о самом себе – и всегда в какой-то лихорадке, как будто ожидая чего-то страшного и последнего. Но – странное дело – в иных людях бывает неприятна и тягостна эта черта – говорить непременно о себе и о своем: в Леониде Андрееве это было так неизбежно, так определялось самую сутью его личности, что слушать его признания и его лирический бред было вовсе не в тягость. Что же ему, несчастному, было делать, когда у него ничего не было твердого и прочного, на чем он мог бы крепко стать и посмотреть на Божий мир более смиренно и более мудро.

Его разговоры о себе не были эгоизмом, они были его несчастьем, горем, болезнью, тоскою, И его нельзя было не любить именно таким – поглощенным самим собою.

А что в нем не было ничего твердого и коренного – об этом свидетельствуют и его собственные признания. Вот что однажды он писал мне: «Каждую свою вещь я хотел бы писать под новым именем, Мне тяжело зависеть от моего собственного прошлого, от высказанных мыслей, от промелькнувших обещаний – я ничего не хочу обещать. Быть жертвою логики я

⁵ Имеется в виду отзыв Н.К. Михайловского на первую книгу Л. Андреева «Рассказы» Леонида Андреева. Страх смерти и страх жизни» (Русское богатство. 1901. № 11).

⁶ Возможно, Чулков имеет в виду стихотворение Ф.И. Тютчева «Вот от моря и до моря...» (1855), проникнутое мрачными предчувствиями, и его перевод «Из Микеланджело» (1855), где есть строки о «преступном и постыдном веке». Известно, что падение Севастополя во время Крымской войны (1853–1856) произвело на поэта «подавляющее и ошеломляющее впечатление».

не хочу. Свободно любить, плакать, смеяться – вот! Сегодня я мистик и анархист – ладно; но завтра я буду писать революционные вывески, как Тан⁷; а послезавтра я, быть может, пойду к Иверской⁸ с молебном, а оттуда на пирог к частному приставу...» И далее: «Поверьте мне, я до исступления ненавижу современное культурное человечество; я не принимаю жизни, какая она есть, и никогда не приму, но я не хочу выкидывать никакого знамени, даже знамени бунта...»

Но Л.Н. Андреев не только не строил и не мог построить цельного мирозерцания: он не хотел даже узнать и понять тех людей прошлого, которые осмелились такое цельное мирозерцание утверждать. Он как будто боялся возможных на себя влияний.

⁷ Тан Н.А., или Тан В.Г. (наст. имя и фамилия Владимир Германович Богораз; 1865–1936) – поэт, писатель, этнограф, общественный деятель, одним из первых начал изучать историю, быт и нравы народов Севера. Помимо повестей и рассказов о жизни северных народов писал пафосно-революционные стихи-призывы. Его повесть «Дни свободы» (1906) посвящена событиям первой русской революции в Москве. Был близок к народолюбцам, неоднократно привлекался к суду.

⁸ Часовня Иверской Божьей матери располагалась у входа на Красную площадь. Рядом – на внешней стороне Воскресенских ворот висела чудотворная Иверская икона, список с Иверской иконы, находящейся в Иверском монастыре на Афоне. В настоящее время икона находится в храме Воскресения Христова в Сокольниках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.